

контроль над анализируемыми данными и позволяя антропологу использовать лабораторию истории, должен играть все возрастающую роль в антропологических изысканиях.

Примечания

1. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38. P. 149-152.

2. См.: Herskovits M.J. Applied Anthropology and the American Anthropologist // Science. 1936. Vol. 83. P. 215-222.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

МАКС ГЛАКМЕН

ПОЛЕЗНОСТЬ МОДЕЛИ РАВНОВЕСИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ*

Аннотация: В статье отстаивается тезис о плодотворности и необходимости использования модели равновесия как метода изучения не только структуры социальных систем и институтов, но и разных типов социальных изменений – от повторяющихся до радикальных структурных. Модель равновесия рассматривается как рамка, в соотнесении с которой устанавливаются социальные изменения и проясняется их характер и степень. Применение этого метода требует помещения синхронических наблюдений в контекст «структурных длительностей» соответствующих институтов, то есть особых временных шкал, встроенных в структуру этих институтов. Этот тип исследования и анализа иллюстрируется примерами изучения различных социальных сфер.

Abstract: In this article the author claims the fruitfulness and necessity of the equilibrium model as a method for the study of not merely the structure of social systems and institutions but also of different kinds of social change, from repetitive to radical structural ones. The equilibrium model is regarded as a framework through which it is possible to establish the social change and its character and extent. The use of this method requires placing synchronic observations into the setting of structural durations of the institutions involved, i.e. the specific time-scales built in their

---

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.

---

* Перевод сделан по источнику: Gluckman M. The Utility of the Equilibrium Model in the Study of Social Change // American Anthropologist. 1968. Vol. 70. № 2. P. 219-237.

Пленарный доклад в Американской антропологической ассоциации, 1966. Публикация этого доклада стала возможной благодаря финансовой помощи Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research.

structure. This type of research and analysis is illustrated with the examples from the study of various social spheres.

Ключевые слова: модель равновесия, социальная система, структура, социальные институты, структурная длительность, социальное изменение, типы социального изменения (повторяющиеся, ограниченные структурные, радикальные структурные), структурный анализ.

Keywords: equilibrium model, social system, structure, social institutions, structural duration, social change, types of social change (repetitive or recurrent; limited structural; radical structural), structural analysis.

I

В настоящем докладе я надеюсь прояснить некоторые импликация, заключенные в использовании так называемой модели равновесия при изучении предположительно стационарных обществ. Я считаю это прояснение необходимым ввиду нынешней критики этой модели, которая, на мой взгляд, происходит отчасти от непонимания того, что делали ее сторонники, хотя и сами они, несомненно, не всегда ясно заявляли о своих намерениях. Эту проблему окружают неясность и двусмысленность. Если нам удастся их устранить, то, думаю, дальнейшее обсуждение покажет, что модель равновесия обладает тем, что Лич назвал великой силой [41, 4], не только при анализе предположительно стационарных социальных систем, но и как один из методов изучения изменяющихся социальных систем (см. прим. 2), хотя относительно причин этой силы я с Личем не соглашусь. Также я считаю, что, сумев прояснить эту ситуацию, мы сможем приблизиться на несколько шагов к попытке совместить результаты исследований структуры институциональных систем с результатами исследований структуры полей взаимодействия между людьми; это кажется мне одной из важнейших задач, которые будут стоять перед социальными антропологами в ближайшие годы.

Я определил «модель равновесия» как один из методов изучения изменяющихся социальных систем. Подчеркиваю, что это только *один из методов*. Во-первых, наша область изучения настолько сложна, что в ней неизбежно существует много разных подходов к анализу, каждый из которых по-своему плодотворен; если я отстаиваю достоинства одного из методов, то это не означает отрицания достоинств других методов. Во-вторых, это *именно метод*, то есть способ подхода к изучению социальных систем, поскольку он проливает свет понимания на структуру этих систем в реальности. Его можно описать как эвристическую схему или назвать, вслед за Мертоном, ориентацией и, возможно, даже классифицировать как одну из тех ориентаций, о которых он говорит, что ими исследователи с риском для себя пренебрегают [49, 87-89]. В-третьих, модель равновесия — это метод; сама по себе она не теория, так как не является корпусом взаимозависимых положений о структуре социальных систем. Вместе с тем она может создать каркас для совокупности таких положений [см.: 40, 1-11].

В своем исследовании «Политические системы горной Бирмы» (1954, 1964) Лич выражает беспокойство трудностями, связанными с моделью равновесия, хотя (повторю) говорит, что она обладает «великой силой» в социологическом анализе. Причины для беспокойства проистекают, по его мнению, из того уже неоднократно подчеркивавшегося факта, что «реальные общества существуют во времени и прост-

ранстве... Каждое реальное общество – это процесс во времени» [41, 5]. Проблема времени является решающей для всех исследований социальных и культурных систем.

Из нашей общей традиции мы почерпнули, на мой взгляд, общую очарованность обычаями, и я считаю, что благодаря этой очарованности обычаями мы внесли наш незаменимый вклад в социальные и поведенческие науки [13, 254 и далее] (см. прим. 3). Однако с давних пор антропологи оперировали единичными, обособленными обычаями. Культурные (*науч.* культурологические) антропологи ищут в обычаях *паттерны*; антропологи психологические ищут отношения взаимозависимости и сопутствия между паттернами обычаев и личностными структурами. Мы, социологические антропологи, смотрим на обычаи как на сцепляющиеся в то, что мы называем *институтами*; последние в определенном смысле внешни для индивидов, независимы от них и оказывают на них принуждающее воздействие (если воспользоваться критериями Дюркгейма для определения того, что он называл «социальными фактами»). Я не хочу вступать в споры о разных способах употребления термина «институт» в антропологии и социологии. Наверное, вы позволите мне использовать его как краткое обозначение того, что люди действуют в стандартизированных ролях, то есть посредством особых способов поведения, по отношению к другим людям, стремясь достичь определенных целей в экологической, биологической и социальной среде, и что эти цели и средства их достижения ограничиваются некоторым набором контролирующих правил и направляющих верований и ценностей. И, наконец, в своих действиях люди используют разные типы материальных благ (см. прим. 4).

Когда мы имеем дело с обычаями не как с изолированными единицами, а как с образующими паттерны, влияющие на развитие типов личности или довлеющие над социальными отношениями внутри институтов, мы сразу же сталкиваемся с проблемой времени – развитием во времени и изменением с течением времени. Как раз вокруг значимости времени и изменений во времени и накопились значительные неясности; ведь «время», как показали многочисленные исследования, существует в социальной жизни по-разному. Во-первых, насколько мы можем судить, есть «реальная» история событий, образующих прошлое любой личности, культуры или общества, – событий, которые в филогенетическом смысле объясняют их настоящую форму. Во-вторых, как указывали многие историки и социальные ученые, существует инкапсуляция прошлых событий в нынешний паттерн общества. Например, Фортес писал: «У талленси система линиджа позволяет нам видеть действие фактора времени в социальной структуре совершенно конкретно. Мы видим, как структура линиджа в данное время инкапсулирует в себе [дается ссылка на Р.Г. Коллингвуда] все, что структурно релевантно в его прошлых фазах, и в то же время непрерывно проецирует его точки роста в будущее» [20, 224]. Схожую инкапсуляцию прошлого мы находим в текущей структуре отдельной личности. В-третьих, процесс инкапсуляции производит в разных социальных контекстах стандартизированные идеи о времени и истории, принимаемые членами и частями общества, и о них антропологи и другие ученые, как мы увидим, много писали; схожим образом у индивидов есть различные представления о собственной истории и времени, возникающие из накопления опыта и реакции на опыт. В-четвертых (и меня занимает главным образом эта проблема), культурный паттерн, личность или институт имеют собственные временные шкалы, «встроенные» в них, если позволите мне употребить такую метафо-

ру. Скорость, с которой функционирует личность, необычайно высока и не соотносится со средствами, которыми мы обычно измеряем время; все исследователи личности это знают. Точно так же я утверждал бы, что каждый институт имеет особую временную шкалу, встроенную в его структуру, и мы не можем понять институт иначе, нежели в этой шкале. Фортес так поставил эту проблему: «Социальная жизнь — это паттерн процессов, и временное измерение повсеместно является значимым фактором социальной структуры» [20, IX]. И: «Динамическое равновесие линиджа есть равновесие во времени» [20, 224]. Дабы избежать путаницы, я воспользуюсь предложением Джона А. Барнса, с которым мы плодотворно обсуждали эту общую проблему, и буду называть встроенную в институт временную шкалу «структурной длительностью» (*structural duration*) этого института.

«Структурная длительность» института — это период времени, который требуется для отработки импликаций его правил и обычаев в биологической, экологической и социальной среде (см. прим. 5). Этот период времени, или длительность, заключен в структуре института, и только в рамках толкования института через эту длительность мы можем проследить систематическую структуру, или взаимозависимость между составляющими данный институт элементами, — то, что Фортес назвал одновременной взаимозависимостью переменных (без уточнения периода, к которому относится прилагательное «одновременный»). Поскольку здесь нас занимает установление постоянств, то, следовательно, этот тип толкования производится в терминах модели равновесия, где институт проходит через циклическую, колебательную или иную форму процесса, в конце которого он представляет ту же самую форму, которую имел в начале.

При подходе к этой модели существенны три оговорки. Во-первых, анализ этого типа не постулирует, что институт так же функционировал в реальности в прошлом или продолжит функционировать в будущем; такой анализ не имеет дела с институтом в реальном, историческом времени и не говорит, что институт находится в состоянии действительного равновесия — состоянии, которое можно описать как *стазис*. Идея равновесия во времени, предполагающая нахождение элементов института в «состоянии баланса» и фикцию стабильного равновесия, т.е. «стремление к восстановлению равновесия [стабильного баланса] после его нарушения» (Оксфордский словарь), — это инструмент, позволяющий нам подобрать ключ к временному элементу, заключенному в предполагаемой системной взаимозависимости элементов института. Мы допускаем, что эта взаимозависимость существует, поскольку это делает возможным научный анализ; и это допущение оправдывается в реальности постольку, поскольку мы наблюдаем, что релевантные институту события происходят регулярно, а не случайно.

Время берется здесь на манер *как если бы*, по выражению Вайхингера. Собственно, и Лич говорит о «как-если-бы-системах» (во «Введении» к [42], репринту [41]), хотя видит баланс как один из необходимых для анализа фактов «в принуждающей матрице *как-если-бы-системы* идей, состоящей из понятий, трактуемых, *как если бы* они были частью равновесной системы». Чуть дальше я докажу, что Лич недооценивает зависимость идеи равновесия от реальности (так же как Вайхингер недооценивает связь научных законов с реальностью). Сам я считаю, что эта модель обладает великой силой потому, что она, по выражению математиков, «отображает реальность». Вместе с тем полезно говорить о «*как если бы*» равновесии с целью подчерк-

нуть, что оно абстрагировано от реальности, ведь оно не может охватить всю сложность этой реальности. Я вижу в нем рамку (framework), выстроенную на основе наблюдений реальности, а затем проверяемую через соотнесение с другими наблюдениями. Мы используем ее, чтобы справиться с элементом времени, с длительностью, заключенной в структуре института, ибо только так можно проанализировать реальную взаимозависимость, существующую внутри института как организованной структуры. В реальности множество внешних событий и внутренних «искажений» не дает институту работать идеально, и их надо включить в сферу анализа ради его полноты, что будет важнейшим шагом к более полному исследованию. Модель равновесия используется для того, чтобы дать рамку, в которой мы могли бы формулировать положения о взаимозависимости элементов; эти положения и образуют желаемую нами теорию. Они тоже должны содержать временной элемент, ибо вся реальность есть процесс во времени. Чтобы сформулировать такие положения, нам надо на какое-то время исключить умозаключения.

Вторая оговорка касается того, что само определение равновесия содержит идею его нарушения с последующим возвращением к прежнему состоянию. Короче говоря, мы заранее предполагаем, что работа института будет содержать – в самой структуре института – нарушения, происходящие без всякого преднамеренного действия со стороны его персонала, а также из соперничества между его членами. Если институт функционирует, то в игру входят уравнивающие силы и восстановительные механизмы, которые ограничивают последствия нарушения, дабы сохранить или восстановить, насколько возможно, прежнюю форму.

В-третьих, модель системы никоим образом не устанавливает, что на всем протяжении функционирования института одни и те же лица будут занимать одни и те же положения относительно друг друга. Поскольку здесь существует преемственность, она заключена в ролях, а не в людях, которые их исполняют.

В заключение повторю введенные выше оговорки. Использование модели равновесия имеет целью дать рамку для формулировки положений о взаимозависимостях между элементами института. Если, проанализировав их, мы захотим понять, как этот институт функционировал на протяжении какого-то действительного отрезка времени, то есть какого-то периода реальной истории, то мы должны будем включить в анализ много других видов данных и анализы других институтов. Но если анализ модели равновесия окажется плодотворным, то положения, полученные нами, позволят нам проникнуть в то, что произошло в исторической реальности, и понять это. Следовательно, анализ в терминах теоретических положений, заключенных в рамку модели равновесия, не утверждает, что институт находится в стабильном равновесии на практике, не отрицает того, что в нем происходит изменение, и сам по себе не говорит о том, что институт был таким, каким он сейчас является, в течение какого-то периода в прошлом или останется таким, каков он сейчас, в будущем. Это способ анализа, а не описание реальности, хотя он и взят из реальности. Сказать, находится ли институт в действительном стабильном равновесии, или состоянии стазиса, можно только на основе исторических свидетельств помеченного периода или предсказания будущего.

Природа структурной длительности хорошо демонстрируется всеми исследованиями семейной организации. Стабильность института – то есть его тенденция к сохранению формы – определяется его внутренней структурой лишь частично. Мно-

гое зависит от принуждающих влияний внешней среды и внутренних материальных факторов. В семейной организации биологические процессы, заключенные в спаривании, рождении, созревании и смерти, ограничивают развитие и способствуют сохранению особой структурной формы. В биологических рамках, одновременно инкапсулируя их, имеются многочисленные и разнообразные формы семьи, но анализ всех этих форм обычно проводится в границах периодов, включающих несколько поколений, то есть гораздо более длительных, чем действительный период, на протяжении которого ведутся наблюдения. Иначе говоря, чтобы понять даже день в жизни семьи, приходится анализировать ее так, как *если бы* ее системные взаимозависимости вырабатывались в течение «цикла», охватывающего (в данном случае), по крайней мере, три поколения; ведь каждая семья в любой момент времени содержит родителей, детей или ожидание детей, а также предвосхищение того, что эти дети женятся и родят детей. Возможно, лучше работать со структурной длительностью четырех поколений, ибо родители сами произошли от предшествующей пары родителей, произведших на свет сиблингов для своих детей — людей, которые могут быть релевантными для семейной структуры. Дальше я покажу, что в некоторых обществах релевантное число поколений, инкапсулированных, так сказать, в каждый момент существования семьи, может составлять пять, а иногда и больше. Эта структурная длительность, в рамках которой только и можно понять жизнь семьи, заключена в комбинации специфических правил и обычаев, которая вписана в общечеловеческие биологические рамки, а также в более широкую социокультурную среду. Не каждая семья может пройти через этот цикл, даже если исключить эффект радикальных изменений: брак может быть прерван на ранней стадии смертью супруга или разводом; другие браки бездетны и т.д. Однако при анализе мы трактуем их как отклонения от «стандартного» цикла и схожим образом рассматриваем повторный брак, отношения с пасынками и падчерицами и такие формы брака, как левират, брак с духами, сорорат, брак между женщинами, и т.д., а также следствия рождения разного числа детей у родительских пар в каждом из поколений в пределах структурной длительности. Это обычная форма представления; и даже когда происходят радикальные перемены в семейном праве и семейных отношениях, большинство исследований обсуждают их на фоне стандартного циклического анализа [39; 23].

Анализ структурной длительности составляет также ядро исследований политических институтов. Если я хочу проанализировать какой-то период в жизни британской Палаты общин, то должен увидеть то, что происходит в течение этого периода, в связи с более длительным периодом, составляющим около 15 лет, то есть периодом, покрываемым тремя пятилетними выборами. На деятельность в Палате общин сразу после выборов влияют, по крайней мере, двое предыдущих выборов и перспективы выборов, грядущих через 5 лет; но по мере того как парламент проходит срок действия своих полномочий, в какой-то момент происходит сдвиг, и на деятельность его начинают больше влиять только одни последние выборы и двое грядущих выборов. Таким образом, трое выборов (15 лет), видимо, образуют базовую структурную длительность Палаты общин. В пределах этой длительности есть другие длительности, внутренние для парламентской системы; они задаются днем утверждения бюджета, поскольку деньги являются важнейшей потребностью правительства, и дополнительно стадиями, через которые должны проходить законы, дебатами вокруг них и т.п. Анализ этой структурной длительности, следовательно, обычно обре-

тает форму модели равновесия. На любой период действительной парламентской истории воздействуют и другие системы событий. Некоторые из них внутренне присущи самому законодательному процессу. Так, на проблемы отбора партийных лидеров может влиять возрастное распределение членов партии, поскольку человек, голосующий за кандидата, который немного старше него самого, может перечеркивать тем самым свои перспективы на лидерство, и т.п. Другие события, происходящие во внешней системе как британского, так и международного мира, являются «случайными» в отношении законодательной системы, хотя и системными в отношении других событий. В рамках такого подхода мы можем изучить воздействие Палаты общин с ее длительностью на историю политической жизни в Британии, и, наоборот; этот институт в его общей культурной форме сохранялся столетиями, на протяжении которых происходили радикальные изменения как во внешней среде, так и во внутренней структуре (а также в типах людей, заседающих в Палате общин). Затем мы можем оценить связь между преемственностью формы законодательной власти и действительными политическими отношениями и можем сделать вывод, что эта связь относительно слаба, хотя, на мой взгляд, и важна. Опять же, как и в случае семьи, структурная длительность Палаты общин заключена в организующих ее правилах и обычаях, но здесь нет ограничительной рамки, которая была бы сродни биологической рамке, задающей ограничения для структурной длительности семьи.

Если все это верно, то отсюда следует, что, когда бы мы ни пытались анализировать институт, мы должны «вбрасывать его» (простите мне эту метафору) в структурную длительность, ибо всякая социальная жизнь есть «процесс во времени», и в правилах и обычаях содержится временной элемент. Это предполагает, что надо анализировать институт так, как если бы он функционировал в течение гораздо более длительного периода, чем тот действительный период, в течение которого мы наблюдаем его или его части. Это может звучать как трюизм, но на этом все держится. Непонимание этого при чтении анализа институтов может давать читателю ложное впечатление, будто автор считает, что институциональная форма, которую он анализирует, сохранялась в точь-в-точь таком же виде с далекого прошлого и сохранится в таком же виде в будущем. В этом не всегда виноват сам читатель, поскольку аналитик часто оставляет непроясненным, что временным элементом анализа является структурная длительность, а не действительное историческое время. Вместе с тем имеется склонность не замечать разницу между этими видами «времени», или «длительностями», возможно, потому, что в последнее время антропологи столкнулись с быстрее изменяющимися обществами. Поэтому они упорно твердят, в противовес анализу структурных длительностей, что все реальные общества в реальном времени всегда меняются и менялись, — не уточняя, что именно меняется, каковы эти изменения и насколько сильно эти изменения воздействуют на структурные формы. Представляется очевидным, что существуют очень разные виды изменения, и нам придется разработать лексику для отличения одних от других.

II

Выше я писал, имея в виду структуру единичного института. Задача анализа совокупности институтов, или целостного социального поля, явно намного сложнее. Различные институты обладают разными структурными длительностями, и их

«скрещивание» нуждается в анализе. События, возникающие из функционирования одного института, могут вторгаться в функционирование другого института, и это вторжение может быть опасным для систематических взаимозависимостей института-реципиента. Внешние события из совершенно иных областей мира тоже могут опасным, с точки зрения аналитика систем, образом вторгаться в анализируемое поле. Однако при анализе институтов мы должны осуществлять процесс умственного абстрагирования, и, когда мы это делаем, мы, на мой взгляд, обнаруживаем, что институты и более широкие социальные поля имеют четко выраженную тенденцию к сохранению, что они и (или) их части оказывают сопротивление как непреднамеренным, так и осозанным изменениям, пока по истечении некоторого времени не наступят радикальные изменения. Следовательно, можно сказать, что институциональная система или поле институциональных систем будут стремиться к развитию и даже гипертрофии в главных аспектах своей организации, пока условия (например, крупные демографические сдвиги, изобретение новых орудий и машин и т.д.) не сделают работу системы совершенно невозможной. Здесь опускаются следствия ударов по системе извне, таких, например, как вторжение. Более того, даже после того, как радикальное изменение произошло, институты остаются настолько упрямыми, что часто выживают или возрождаются в новых условиях, складываясь в новую совокупную систему институтов, и продолжают функционировать внутри этой системы.

Если бы это видение истории институтов подтвердилось нашим знанием действительной истории событий, то это бы означало, что — как утверждают диалектики — периоды революций и других форм быстрых и радикальных изменений, полностью разрушающих структуру системы, оказываются внезапными кризисами, следующими за стойким накоплением мелких и более ограниченных структурных изменений, удерживающихся в рамках главенствующего паттерна институтов (за исключением тех случаев, когда имеет место вторжение извне). Я считаю, что здесь диалектики правы, и это значит, что даже для понимания революционного изменения нужно работать, исходя из структурной длительности институтов (или социальных полей) в модели равновесия.

Поддержку для этого взгляда я нахожу в методах, с помощью которых были осуществлены лучшие анализы социальных развитий. Это явно касается марксистской трактовки движения от первобытного коммунизма к классическим рабовладельческим обществам, феодализму, буржуазному меркантилизму, раннему капитализму и, наконец, монополистическому капитализму. В марксистской модели векб *относительной* стабильности институтов принимаются как данность и анализируются в *относительно* равновесном каркасе, пока конфликты и противоречия, присущие каждой системе, не приводят к революционным изменениям, с которыми работают по большей части уже в совершенно другой форме нарратива (в отличие от институционального анализа), пригодной для изучения движения к новой институциональной системе. Подобным же образом Дюркгейм поступает с движением от стазиса механической солидарности к институциональным структурам, рождающимся с растущим разделением труда, Макс Вебер — с движением от традиционного общества к рационально-бюрократическому, и таким же образом выстроены теории сэра Генри Мэна, Тённиса, фон Визе и многих других. Схожий способ анализа я нахожу в работах всех культурных эволюционистов, предложивших совершенно иные теории

и обогативших ими историю антропологии. Повторю: они используют некий *способ* подхода к истории, когда пользуются этой схемой долгих периодов относительного стазиса и понимают их в терминах *как-если-бы-равновесий* структурных длительностей, в значительной степени пренебрегая при этом действительным историческим временем и приводя тем самым в бешенство историков; в этих рамках они формулируют теории взаимозависимости между социальными элементами. Теории этих аналитиков или разных типов аналитиков могут друг от друга отличаться, но способ подхода, или метод, во многом схож.

Если так много мыслителей, придерживающихся разных политических взглядов и разрабатывающих разные теории, работают в этой общей рамке, то это показывает, что они подчиняются, по меньшей мере, двум ограничениям. Во-первых, человеческий ум попросту неспособен работать иначе как с ограниченным количеством фактов и писать о чем-то большем. Во-вторых, в самой реальности есть что-то такое, что в этой рамке отражается. Я считаю второе ограничение более важным, и, следовательно, думаю, что модель равновесия, используемая для анализа многих частей институционального устройства в запутанном социальном поле, проясняет то, что происходит в действительности. Кроме того, она проясняет структуру внутри институтов и структуру, связывающую их в более сложные упорядочения.

Концепция «идеальных типов» Вебера – это модель, явно схожая с той, которую разработали антропологи и которую я здесь описываю. Есть между ними, однако, и различия. «Идеальные типы» Вебера складываются из устойчивых принципов организации, один из которых – главенствующий. «Идеальные типы» извлекаются из реальности, но выходят за ее пределы в акцентировке главенствующего принципа, в соотнесении с которым могут оцениваться реальные институты. Другие теории, которые я упоминал, тоже подчеркивают главенствующие принципы ассоциации, или экономической структуры, для каждой стадии относительного стазиса. Марксистские теории привносят сюда возникновение противоречащего «подавленного» принципа, который становится потом главенствующим; здесь относительный стазис предполагает, что группы, чьи интересы доминируют, подавляют растущее сопротивление и бунт тех, чьи интересы коренятся в новой потенциальности. Модели, с которыми работали антропологи, обычно относятся к институтам, имеющим гораздо меньшие структурные длительности. И большинством антропологов (как и большинством социологов) подчеркивалось, что, хотя могут быть главенствующие идеологические принципы и ограничительные переменные, равновесие рождается как результат процессов, возникающих из принципов социальной организации, независимых друг от друга, а многие принципы взаимно расходятся, не согласуются, конфликтуют друг с другом и в итоге, когда назревает радикальное структурное изменение, друг другу противоречат. Отчасти эти принципы организации заключены в социальных отношениях по поводу воздействия на физическую среду через материальное оснащение, отчасти в интересах и требованиях разных социальных связей, в которых индивиды попеременно участвуют, и отчасти в фиксации социальных связей в культуре («лоскутном одеяле» [Лоуи] ценностей, приверженностей, целей и т.д.).

III

Некоторая двусмысленность и отсутствие ясности, которые мы до сих пор анализировали в терминах структурных длительностей, а не реального исторического

времени, способствовали непониманию того, что мы пытались делать. Эта двусмысленность вытекает из многозначности таких слов, как «равновесие» и «стабильность». Ввиду этого Лич утверждал, что «путаница в понятиях равновесия и стабильности... укоренилась в антропологической литературе так глубоко, что всякое использование любого из этих терминов обычно ведет к двусмысленности» [41, 7]. На мой взгляд, двусмысленность возникает от того, что не каждый пишущий и, прежде всего, читающий постоянно проводит различие между равновесием, присущим относительной стабильности системы взаимозависимых отношений, и стабильностью действительной социальной жизни. Некоторые читатели полагают, что утверждение о равновесии означает отсутствие каких-либо его нарушений, или, идя по пути наименьшего сопротивления, вообще не видят, что на одном уровне организации может быть стазис, или стабильность, а на другом его может и не быть. Как стул сохраняет постоянную стабильную форму (стазис), несмотря на непрерывное движение частиц в молекулах элементов, из которых он состоит, так и макроскопическая структура может оставаться стабильной вопреки нарушениям в структурах семей; и наоборот, структуры семейных паттернов могут оставаться в стазисе, тогда как макроскопическая политическая структура может радикально меняться [40]. В анализе систем нам приходится постоянно смещать свою точку зрения в зависимости от того, какие проблемы мы ставим.

Мне кажется, эта путаница заложена в аргументе Лича, выдвинутом в «Политических системах горной Бирмы», когда он говорит, что антропологи [все? большинство? многие из них? некоторые? отдельные?] изображают «стабильное равновесие». Он добавляет также, что Малиновский, Фирт и Эванс-Притчард «пишут так, словно тробрианцы, тикопия и нуэр являются такими, какие они есть, ныне и во веки веков» [41, 7]. Это не кажется верным ни для кого из названных, как только мы понимаем, что они анализировали структурные длительности, но утверждение Лича можно, видимо, объяснить тем, что они не внесли в этот вопрос ясность. Эванс-Притчард, меж тем, предложил провести различие между разными видами времени, дабы указать на то, что его анализ, по его мнению, вовсе не показывает «нуэр... такими, какие они есть, ныне и во веки веков». Поэтому я рассмотрю импликации его анализа и особенно его понятия «структурного времени» [16, а также статьи начиная с 1934 г., цитируемые в этой книге]. Таким образом, хорошенько покопавшись в мешке, я отыщу-таки там каравай.

Эванс-Притчард, как мне кажется, дал ясно понять, что его анализ нуэр не контекстуализирован (set) в действительном историческом времени, когда выделил у нуэр то, что он назвал «структурным временем», в отличие от экологического времени, социального времени и исторического времени. В системе сегментарных линиджей у нуэр права и обязанности, существующие между мужчинами-агнатами (то есть мужчинами, связанными патрилинейным родством), и флуктуации дружелюбия и враждебности между группами теоретически зависят от того, насколько близок к ним во времени их общий агнатный предок. Там, где система линиджа обеспечивает каркас для территориальных групп, оказывается, что чем ближе мужчины расположены друг к другу на земле, тем меньше будет «структурное пространство» (по выражению Эванс-Притчарда) между ними и тем более недавним будет связывающий их предок по агнатной родословной, задающей идеологию для политических комбинаций и раздоров. Таким образом, глубина структурного времени — это

скорее средство координации отношений в настоящем, нежели средство координации событий в прошлом. Исходя из этого Эванс-Притчард предложил теорему, согласно которой глубина в структурном времени прямо пропорциональна протяженности в структурном пространстве. В системе нуэр глубина первопретка в максимальной родословной составляет около 11 поколений – по всей видимости, потому что так покрывается самая большая протяженность групп, которая может координироваться в этом типе системы. Мы можем это сказать, так как есть нечто постоянное в этой 11-поколенной глубине; ведь мы находим ее у других народов, системы которых иногда во всех иных отношениях сильно отличаются, например, у агнатных бедуинов, ньякюса, зулу, талленси и тикопиа или у матрилинейных ашанти, хотя есть системы более глубокие и более поверхностные. Эванс-Притчард, исходя из этого, утверждал, что система линиджа никогда не растет; ее наибольшее структурное время является в глубину фиксированным. Отсюда ясно видно: он вовсе не считал, что система родилась 11 поколений тому назад, и не мог решить, как долго она существовала на тот момент, когда он ее находил.

То, что 11 поколений – это не отчет о реальном происхождении, ясно демонстрируется генеалогиями, собранными у бедуинов Киренаики. Как мы знаем, они проникли в этот регион в 1056 г., то есть 900 лет назад [59; 60]. Но генеалогии девяти их племен показывают 11 поколений до девяти сыновей их предполагаемой прародительницы. Некоторые предки могут быть вымышленными; но многие действительные прародители при этом явно были стерты из памяти.

Эти 11 поколений демонстрируют явный разрыв на уровне пятого или шестого поколения, если двигаться назад в «структурном времени». До этой точки генеалогии служат координации связей повседневного сотрудничества, наследования и т.д. между живыми людьми, связанными родством через недавно умерших. Верхняя половина генеалогий связывает воедино более широкие группы; то есть эти генеалогические связи определяют политические, или групповые, отношения, а не межличностные. Это демонстрируется тем фактом, что в более коротких линиджевых по типу генеалогиях мы все еще находим пятипоколенные основы для группирований живых людей, взаимно связанных на более высоких уровнях объединением (band), охватывающим два [9; 10; 11; 12] или три [72] поколения. Это объединение образуется из политически значимых связей «вечного родства» [12] между группами или политическими позициями; и имена в этом объединении не меняются и не меняют своих относительных положений, если только не происходит важных изменений в связях между политическими группами. Ключевые позиции увековечиваются сами по себе и по отношению друг к другу тем, что Ричардс [65] назвала «позиционной последовательностью»; речь идет о социальных позициях, а не о конкретных людях. Здесь у меня нет места для рассмотрения систем, в которых генеалогии уходят глубже, чем на 11 поколений.

Таким образом, понятие структурного времени у Эванс-Притчарда является средством описания способов мышления народа о своем прошлом, и представления о структурном времени могут покрывать институты самых разных длительностей. Теорема, согласно которой структурное время прямо пропорционально структурному пространству, ведет к дальнейшему анализу. Ведь нижняя пятипоколенная основа предположительно связана не только с происхождением (descent) как таковым, но также с внешними факторами, контролирующими рождение и воспитание лю-

дей, и со способами организации производства, распределения и потребления благ в домашних организациях на этом технологическом уровне. Широкая распространенность верхнего шестипоклоленного объединения предположительно связана с внешними факторами, определяющими степень, в которой сотрудничество политических групп и распределение власти могут быть организованы идеологией родства. Салинз [66] предположил, что развитая линиджевая система этого типа возникает из грабительской экспансии, идущей в ущерб другим народам, но вопрос о том, почему глубина именно такая, у него не обсуждается, поскольку он нерелевантен его рассуждениям.

Таким образом, представления нуэр о времени – не просто идеи одного отдельно взятого суданского народа. И анализ социальной структуры дается ими не больше, чем идеями качинов об аристократической власти (*gumsa*) и демократической организации (*gumlao*) [41; 42] анализ политических отношений [см.: 8, 72]. Такие идеи – это ключи к структуре и структурным длительностям различных институтов.

В институциональном анализе системы нуэр у Эванс-Притчарда первым шагом был, по сути, анализ структурной длительности института в *как-если-бы*-равновесии. После этого он показал, что в структуре системы происходят изменения, и дал их оценку в соотнесении с анализом других институтов, находящихся в равновесии. Показав, что в шкале времени нуэр наибольшая структурная глубина составляет 11 поколений, Эванс-Притчард обсуждает появление «пророков», которые возглавляли эфемерные союзы нуэрских групп как при нападениях на динка, так и при отражении арабских и европейских нападений. Он показывает, какие трудности возникали у этих пророков с объединением нуэрских групп вследствие установившихся между ними враждебных отношений и постоянных распрей, и ему удается в общих чертах определить, чего они достигали и как они этого достигали. Иначе говоря, историческое появление пророков делается аналитически значимым лишь благодаря тому, что рассмотрение линиджевой системы нуэр включает в себе анализ равновесия, а этот анализ равновесия основывается как на исторических данных, так и на наблюдениях в настоящем. Предпринятый позже Эванс-Притчардом анализ того, как орден Санусийя утвердил свой религиозный престиж среди бедуинов Киренаики [17], развивает проблему на шаг дальше. Фоном опять же является равновесный анализ бедуинской линиджевой системы; только поняв эту систему таким образом, мы можем понять, как святые ордена Санусийя нашли свои ниши в ключевых точках, расположенных в трещинах линиджевой системы, благодаря чему не были связаны ни с какой локальной секцией, но все же могли оказывать влияние. Во время итальянского вторжения в Киренаику и на протяжении всего периода непрерывного сопротивления бедуинов, вплоть до Второй мировой войны, Санусийя могли представлять если не боевыми, то, по крайней мере, номинальными вождями бедуинов, пока их глава не стал королем нового государства Ливии.

По всей видимости, его «структурное время» – это отчасти описание идей нуэр, отчасти концепция для анализа их отношений. Поэтому, по совету Барнса, я принял термин «структурная длительность». Я не утверждаю, что анализ Эванс-Притчарда был совершенен. Я говорю о том, что, как видно из анализа Эванс-Притчарда, в противоположность изучению рекуррентного, или повторяющегося, изменения персонала и отношений, связывающих его членов в паттерне институтов, мы можем развить существенное понимание радикального изменения в некоторых институ-

тах, соотнеся это радикальное изменение с анализом структурных длительностей ряда других институтов, принимаемых в качестве постоянных при анализе *как-если-бы*-равновесия. Это позволяет нам сформулировать законы структурного изменения. Также в исследовании возвышения нуэрских пророков Эванс-Притчард подчеркивал, что они были для объединяемых ими нуэрских групп такими же «чужаками», как и орден Санусийя для бедуинов. Этот феномен мы видим и во многих других эпохах и регионах: Петр Пустынник и Жанна д'Арк были в каком-то смысле «посторонними» для разобщенных групп, которые они сплотили в своих Крестовых походах; в Южной Африке пророки-простолюдины и пророчицы объединяли разделенные племена для отпора проникновению белых. Равновесный анализ разобщенности между группами в сегментарной системе позволяет понять, почему лидерами должны быть в каком-то смысле «чужаки», или «посторонние», коими движут духи, Бог или иные формы внеобщественной силы. Другие обстоятельства *как-если-бы*-равновесия позволяют независимым группам формировать целевые, хотя и временные альянсы. В рамках этой модели мы можем искать пропозиции о переменных, задействованных в тех или иных типах изменения (см. прим. 6).

IV

Этот тип анализа создает много проблем для аналитика институтов, в отношении которых мы не располагаем историей; и это относится не только к антропологу, который пытается изучить прежде не изучавшееся племя или деревню, относительно которых мы располагаем скудными историческими документами, но также к социологу или антропологу, изучающему многие институты нашего общества, о которых нет адекватной информации. Было бы, разумеется, лучше всего, если бы у нас были подробные лонгитюдные описания, или исследования, целых социальных полей и каждого института. Но их у нас нет. В этих условиях нашу стандартную технику составляет серия синхронических наблюдений наличных распределений, подкрепленная сбором историй индивидов и групп и использованием любого доступного нам письменного исторического материала. Затем мы пытаемся ввести эти синхронические наблюдения в различные виды времени, чтобы выработать структурную длительность рассматриваемых институтов, после чего дается оценка того, какие виды изменения происходят. Мы выясняем, насколько наблюдаемые различия между группами, отношениями и индивидами могут быть объяснены в терминах ситуационных изменений или фаз, заключенных в структурной длительности каких-то институтов, и насколько эти изменения указывают на более радикальное изменение в базовой структуре институтов.

Эту технику использовал Эванс-Притчард в исследовании нуэр. Ее часто применяли при изучении домашних групп, структурная длительность которых, как уже говорилось, во многом контролируется почти циклическим образом процессами рождения, взросления и смерти. Если, скажем, собрать количественные и другие данные о разных семьях с родителями и детьми разных возрастов и изучить семейное право и семейные обычаи, то нужно будет уложить преимущественно синхронические данные в диахроническую длительность или длительности, поскольку разные семьи могут пребывать в разных фазах паттернированного движения, может происходить системное изменение семейной структуры либо могут присутствовать оба процесса. Если происходит структурное изменение, то как еще мы можем оце-

нить его масштабы, нежели на фоне *как-если-бы*-равновесного анализа структурной длительности семьи в прошлом, возможно, проявляющейся в каких-то фазах в семьях, наблюдаемых в настоящем? В противном случае у нас остались бы просто случайные наблюдения. Для вынесения этой оценки мы пользуемся жизненными историями и иными схожими данными.

Поскольку структурная длительность семьи и домашней организации устанавливается во многом биологическими процессами, то эта техника в значительной степени контролируема. В своем очерке «Время и социальная структура» [22], посвященном домашней организации ашанти, Фортес так обсуждает эту технику: «Важным аспектом домашней организации является нормальная длительность единицы. Она служит показателем процесса роста, посредством которого обеспечивается физическое и социальное замещение одного поколения другим, и зависит от функций, выполняемых домашней единицей в воспитании и образовании детей». Фортес старается показать в отношении ашанти и циклическую длительность, заключенную в семейных процессах, и изменения, происходящие в семьях ашанти в новых условиях; поэтому он сосредоточивает свой анализ на доводах в пользу применения количественных и статистических данных для прояснения структуры, в противовес голословным утверждениям о принципах вроде матрилинейности и матрилокальности. Он приводит количественные данные, собранные в разных ситуациях в двух ареалах проживания ашанти и касающиеся таких вещей, как возрастное распределение глав домохозяйств, возраст, место проживания и брачный статус женщин и т.д. Структуры матрилинейных, вирилокально-уксорилокальных, патрилокальных, матрилокальных и авукулокальных обществ хорошо известны, поэтому я приведу только выводы Фортеса:

«Элементарный статистический анализ незаменим для прояснения некоторых проблем социальной структуры, возникающих в обществе, которое находится в процессе становления социально диверсифицированным. Бесплезность таких общих терминов, как “патрилокальность” и “матрилокальность”, в этом контексте очевидна. Количественные данные позволили нам увидеть, что домашняя организация ашанти является результатом взаимодействия нескольких довольно точно определенных факторов, действующих как в данное время, так и на протяжении некоторого временного отрезка. Учительная господство правила матрилинейного происхождения и признание отцовства в праве и ценностях ашанти, пол главы домохозяйства является фактором первостепенной значимости. Он определяет основные возможности упорядочения родни в домашней единице в связи с полярными ценностями “матрицентрического” и “патрицентрического” группирования. Другие факторы – склонность искать компромисс между противостоящими узлами брака и родительства, с одной стороны, и узлами матрилинейного родства, с другой, а также идеал, в соответствии с которым у каждого зрелого человека, особенно мужчины, должен быть свой дом. То, как взаимодействуют эти факторы, зависит, помимо прочего, от локальных социальных условий и исторических обстоятельств. Описанные мной домашние упорядочения возможны лишь в давно установившихся стабильных столицах вождеств, где в каждом браке оба супруга в одинаковой степени находятся дома. В новых деревнях преобладает обычное патрилокальное домохозяйство» [22, 3 и далее].

Эти домашние упорядочения включают движение взрослеющих детей между разными домами, движение мужчин и движение женщин – а также движение продуктов между домами. Количественные данные Фортеса, подкрепленные биографическими данными, суммируют серию синхронических наблюдений, встраиваемых в две разные диахронические модели: одна из них – модель разных типов домашних единиц, движущихся через паттернированные длительности, другая – модель процесса ограниченного структурного изменения, проходящего через эти длительности и, возможно, ведущего к радикальному социальному изменению.

Этой же процедуры придерживалась Эстер Гуди [38] в анализе факторов, влияющих на коэффициент разводов у женщин разных возрастов у гонджа. Она собрала данные о воздействии разводов на женщин разных возрастов на протяжении их жизни и показала, под давление каких факторов женщины разных возрастов остаются с мужем, бросают его ради другого мужчины или возвращаются в дом своего брата. Но когда дело дошло до оценки того, какие факторы влияли на коэффициент разводов у старших женщин в прошлом, ей пришлось опираться на наблюдения, сделанные в отношении младших женщин в настоящем. Этот метод полон опасностей и, на мой взгляд, всегда логически уязвим, так как в нем есть изъяны. Если мы хотим двигаться вперед, то должны смело смотреть в лицо этим опасностям и делать то, что можем [2; 3; 5]. На мой взгляд, мы всегда можем искать опору в объемах наших сравнительных данных. Так, Гуди находит у гонджа высокий уровень разводов, и меня поражает то, что они в нашей терминологии когнаты, что у них нет левирата, сорората или брака с духами, что они порицают сороральную полигинию и что они позволяют ребенку уходить к своему родителю, а не к мужу матери. Их институты похожи на институты лози [29], которые тоже когнаты и у которых, как нам известно из исторических документов, всегда был высокий уровень разводов с тех пор, как мы их узнали. Это делает вероятным то, что в данном институциональном сцеплении высокий уровень разводов у гонджа вряд ли является всецело продуктом современной эпохи, ибо в этих аспектах гонджа, как и лози, резко контрастируют с зулусским типом общества [29], с его агнатным акцентом и распределением собственности через жен мужа. У зулусов мы находим левират, сорорат, брак с призраками и одобрение сороральной полигинии, уход внебрачных детей к мужу матери и отсутствие либо очень низкий уровень разводов как в прошлом, так и в современную эпоху; и этот паттерн распространен по всей Южной и (далеко от нее) Северо-Восточной Африке. Итак, мы имеем несколько типов контроля над этим видом исследования и анализа, и, стало быть, наши попытки оценить ситуационные изменения на протяжении традиционно ориентированного жизненного цикла и радикальные изменения, связанные с новыми условиями, — не просто гадание на кофейной гуще.

Я бы утверждал, что и здесь, стремясь оценить степень и природу институциональных изменений в паттернах брака, мы вынуждены выяснять их на фоне модели равновесия. При изучении уровней разводов в племенах Замбии, Малави и Родезии мои коллеги изучали их, несмотря на осознание трудностей с вписыванием синхронических наблюдений в диахроническую модель. Их исследования показывают [55], что у патрилинейных народов эти уровни ниже, чем у матрилинейных и, вероятно, когнатных. (Исключения есть, но их немного.) В центральноафриканских патрилинейных системах имеются адельфический порядок преемственности и наследование по линии братьев; и, возможно, потому уровень разводов у них выше, чем в зулусском типе патрилинейного общества, где положение и имущество делятся между женами в полигинном домохозяйстве и передаются через них их сыновьям. Для этого региона (и большинства других) имеет силу обобщение, что в непатрилинейных системах уровни разводов выше, чем в патрилинейных. Но в городских ареалах уровни разводов патрилинейных и матрилинейных народов движутся к общей норме, так же как и сумма брачного выкупа: в племенных ареалах брачные выкупы у матрилинейных и когнатных племен невелики, а у патрилинейных народов, где есть ответственность для передачи, гораздо выше. Следовательно, все указывает на то, что го-

родская ситуация устанавливает в браке общий институциональный паттерн, ибо изменения в величине брачного выкупа сопутствуют изменениям в передаваемых в браке правах и приобретаемых в нем долгах. Этот важнейший узел изменений в институтах брака можно понять лишь в контексте исследований племенного брака в состоянии равновесия.

V

В таких сингулярных институтах, как королевство, опять же не очень трудно выработать структурную длительность и отделить непрерывность с повторяющимся изменением от радикального изменения. Труднее всего это сделать с такими группами, как деревни, которые так же многочисленны, как семьи, но не настолько плотно контролируются биологическими рамками; тем не менее и к ним были применены со схожими целями схожие методы.

Изучая малавийских яо, Митчелл [52; 53; 54] заметил, что их деревни различаются по внутреннему составу. Некоторые состояли из небольших матрилинейных линиджей, другие — из круга, включавшего несколько таких линиджей, сгруппированных в сложное объединение как более дальними матрилинейными связями или иными связями с материнской стороны, так и связями с отцовской стороны. Он выяснил, что некоторые из этих секций, основанных на матрилинидже, внутри деревень покидали в поисках новых земель или после ссор свои родительские деревни и учреждались в качестве самостоятельных деревень. Он связал процессы численного роста через браки и рождения с растущей сложностью всех деревень, воплощающейся в некоторых из них, и с последующим сокращением разрастающихся деревень через их разделение. Таким образом он установил структурную длительность различных типов деревень яо в дендритических (см. прим. 7) процессах роста и умножения секций вплоть до их отделения. Он изучил роль изменчивого престижа, обычая, согласно которому в преимущественно уксорилокальном обществе деревенские вожди забирают жен в свои дома, представлений о ведьмовстве, колдовстве и духах предков как причинах несчастья, правил наследования позиций и вечного родства между позициями, а также других обычаев и верований в этих дендритических процессах, встроенных в разные типы деревень. Судя по письменной и устной традиции, некоторые деревни оставались крупными и сложными на протяжении долгого времени, несмотря на откол каких-то секций. Митчеллу удалось уточнить социальные факторы, связанные с этой долговечностью. Другие деревни, отмеченные другими социальными факторами, так никогда и не становились очень сложными, и обычно отпадение секций от крупных деревень подпадало под эту вторую категорию. Марвик [47] подтвердил этот анализ исследованием живущих неподалеку чева и смог глубже разобраться в том, как представления о колдовстве и т.п. контролировали и поддерживали своим действием систему и структурные длительности ее частей.

Ядром анализа деревень яо у Митчелла было исследование ограниченного числа типов структурных длительностей в сложной модели *как-если-бы-равновесия*. Далее из исторических документов он выяснил, насколько война, рабство и торговля в прибрежных районах и за пределами Малави способствовали в прошлом росту больших деревень, дабы оценить, какими были последствия британского завоевания и правления. Британское правление упразднило войны и рабство и сделало жизнь

более безопасной. Оно принесло с собой специализированную торговлю тканью и другими товарами, которые прежде доставлялись с побережья караванами яо. Новые экономические возможности (такие, как товарные культуры и миграция для работы у европейцев), так же как и появление новых типов дефицита земли в некоторых районах, повлияли на социальные отношения. Но сквозной нитью через эти радикальные изменения проходила значительная преемственность; люди все еще жили в деревнях, и многие мужчины из всех сил стремились стать деревенскими вождями. Новое богатство частично расходовалось на традиционные социальные связи. Даже когда мужчине в этом обыкновенно ускорилокальном обществе позволялось брать жену жить с собой туда, где он работал на европейской плантации, их дети не составляли группу, считаемую происходящей преимущественно от мужа; скорее, согласно догмам яо, это была группа, считающаяся матрилиниджем, происходящим от его жены [53].

Митчелл выстраивал свой анализ, опираясь на два разных вида данных. Во-первых, он использовал все исторические данные, какие мог собрать как из опубликованных и неопубликованных письменных источников, так и из историй деревень и отдельных яо. Во-вторых, в поле он предпринял серию синхронических наблюдений нескольких разных деревень. Техника анализа состояла в том, чтобы встроить эти синхронические наблюдения с помощью исторических данных в разные виды диахронических процессов. Искусство аналитика состоит в оценке того, когда находимые им различия являются повторяющимися ситуационными изменениями, а когда — изменениями в самой структуре системы институтов.

У Митчелла были исторические документы, написанные европейцами; они помогли ему в диахроническом исследовании и позволили оценить разные виды изменения. У антропологов, изучавших племена в недавно открытых ареалах, скажем, в Новой Гвинее, не было схожих более или менее надежных исторических данных (в сущности, во многом в такой же позиции находился и Эванс-Притчард, изучая нуэр). Эти антропологи использовали метод сбора синхронических наблюдений распределения категорий групп и лиц, а также устных преданий и историй жизни, и исследовали ситуацию в свете культурных правил и обычаев. Потом они встраивали свои наблюдения в диахронические «структурные длительности» [см., например: 61; 62; 63; 64; 67; 7; 48], а затем пытались обнаружить радикальные изменения. В какой-то мере они анализировали системы, подчиненные повторяющимся изменениям (то есть в состоянии устойчивого равновесия, или стазиса), но использовали это средство для индикации процессов ограниченного структурного изменения (то есть изменений, не затрагивающих корни системы, но меняющих ее форму) и процессов радикального структурного изменения (которые изменяют форму системы). Например, Меггитт показывает, что у маэ энга агнатным линиджам пришлось столкнуться на разных уровнях с рядом ценностных конфликтов. Нехорошо отбирать у связанного агнатным родством «братского линиджа» землю, но, когда численность группы возрастает, это самая подходящая земля для захвата [ср.: 60]. Или же: надлежит позволять родственникам, связанным с вами через женщин, поселяться на вашей земле. Если численность агнатной группы падает, то эти другие родственники должны помогать ей защищать ее землю от численно превосходящих и, стало быть, более сильных «братских линиджей». Однако если вы пригласите к себе других родственников, то они могут, как кукушка, захватить ваше гнездо. Через эти стойкие тради-

ционные дилеммы, утверждает Меггитт, проходит нить ограниченного структурного изменения, тенденция акцентировать в случае нехватки земли первичный принцип происхождения — агнацию (или матрилинию в других системах). Он приводит сравнительные данные (подвергнутые критике в [7]; см. прим. 8), говорящие о том, что тенденция к насаждению доминирующего культурного правила проявляется во многих племенах, и, в частности, ссылается на «лонгитюдный» анализ, предпринятый Фиртом с промежутком в 24 года на Тикопиа, вроде как показывающий этот сдвиг [18; 19]. Здесь это изменение предполагается не только исходя из помещения синхронических наблюдений в племени маэ энга в диахронический процесс, но также благодаря видению общего процесса, происходящего в нескольких обществах, схожим образом проанализированных в моделях равновесия несколькими антропологами. В каждом из этих исследований процесс структурного изменения значимым образом видится благодаря тому, что в ядре анализа находится равновесная модель структурной длительности.

Предложенное Меггиттом обобщение может быть применено шире. Например [28; 33], в несколько иной ситуации нехватки земли в южной части Центральной Африки, где стало не хватать земли соплеменникам, имеющим основной доход от трудовой миграции, базовым правилом, вышедшим на передний план, стало право каждого субъекта на участок пахотной земли. Это ведет к тому, что вожди законодательно ограничивают площадь земли, которую может обрабатывать один субъект. Система полностью рушится, когда дефицит земли становится слишком острым и даже такое ограничение не позволяет обеспечить каждого землей в достаточном объеме. Показать это можно было только при анализе связи между землевладением и структурой политико-экономической системы в модели равновесия. Природу и контекст радикальных изменений и развития опять же можно было оценить только на основе анализа институциональной длительности.

Эти процессы можно видеть как частный случай установленного выше более общего положения, что институциональная система будет тяготеть к развитию и гипертрофии по основным линиям своей организации до тех пор, пока внешние условия не сделают дальнейшую работу системы совершенно невозможной (см. прим. 9). В этом положении подчеркивается мое основное утверждение, что институциональное изменение понимается лучше всего в контексте равновесного анализа. Теоретически возможно, что без надежных исторических данных Меггитт и его коллеги, возможно, не могли выяснить, какие из изменений являются повторяющимися [26; 71] ситуационными [56], какие ограниченными структурными, а какие радикальными структурными. В этих обстоятельствах, возможно, и пришлось принять одинаковые методы анализа; но могло быть и так, что пришлось бы разработать два или более возможных способа анализа структурных длительностей и типов изменения. Ни один антрополог пока не ощутил в этом нужды.

Без содержащегося в этих исследованиях диахронического анализа структурной длительности и преемственности невозможно оценить природу и степень изменения в изучаемых институтах. Подчеркну, что здесь я говорю не обо всех типах изменения, а только об институциональном. Иначе говоря, даже когда нас интересуют радикальные изменения, институциональное изменение образует ядро изучаемого предмета. Следовательно, для изучения институционального изменения мы должны принять методологию, сфокусированную на институтах, и это возвращает нас к

как-если-бы структурным длительностям с неявно заключенной в них концепцией равновесия. Когда, приближаясь к наблюдаемой реальности, мы вводим действительные исторические изменения, мы оцениваем их, связывая с отклонениями в процессах структурной длительности либо чтобы показать повторяющееся изменение членов того или иного сообщества, либо чтобы показать процессы внезапного или постепенного устранения и замены компонентов социального поля или их добавления и умножения, либо чтобы показать несколько таких процессов.

VI

Каждый из вышеприведенных анализов не вполне самостоятелен: они взаимно поддерживают друг друга. Они не только соответствуют общему паттерну ориентации и теоретической позиции, но и дают содержательное подтверждение внешних фактов, к которым теоретическая позиция должна быть подогнана. Поэтому я не могу согласиться с Личем [41, 4; 42, введение], когда он определяет антропологическую модель таким образом:

«Сначала мы изобретаем для себя набор складно организованных вербальных категорий, образующих упорядоченную систему, а затем укладываем факты в эти вербальные категории, и — опля! — факты “видятся” систематически упорядоченными. Но тогда *система* есть вопрос отношений между понятиями, а не связей, “действительно существующих” в сырых фактических данных, на чем настаивали Рэдклифф-Браун и некоторые из его последователей» [42, xii-xiii].

Я с радостью отношу себя к этим последователям Рэдклифф-Брауна, даже если бы Лич, считающий меня своим «самым яростным оппонентом в теоретических вопросах» [42, ix], не записал меня в таковые. Ибо здесь мы с ним находимся в одной компании, и коль скоро это имеет ключевое значение для всего подхода, который я здесь очерчиваю, то я прокомментирую эту, несомненно, влиятельную книгу Лича. Я не считаю, что наши анализы — это лишь упорядочение «набора вербальных категорий»; напротив, я думаю, что «упорядоченная система» действительно существует в институциональных реалиях, которые мы изучаем. Упорядоченные системы — это структурные длительности, встроенные в социальные институты, и они, по таящему в себе устаревшую эпистемологию выражению Дюркгейма, суть «вещи». Иначе говоря, мы не можем узнать их характерные свойства иначе, нежели путем исследования, и не можем изменить их просто волевым актом. Новейшая история в значительной своей части тоже подчеркивает, что не так-то просто изменить институты законодательными актами и общественным давлением. Институты сопротивляются радикальным изменениям, и паттерны обычаев и обычных верований упорно сохраняются и переходят в новые ситуации, даже если они в конце концов могут измениться. Это не сопротивление отдельных обычаев или идей, а сопротивление, рождающееся из упрямой реальности взаимозависимости элементов в институциональных паттернах — той самой взаимозависимости, которую мы стараемся открыть. Правда, в какой-то степени корпус людей, работающих в одной дисциплине, будет скорее всего в какой-то период видеть схожие проблемы, но на нас всегда принуждающе воздействуют факты, и не все мы легко обманываемся, когда их видим.

Прежде чем углубиться в этот пункт, я должен разобраться с внешним сходством, присутствующим иногда в идеях изучаемых нами людей и в нашем анализе. Мы не просто анализируем некоторую совокупность идей народа, заключенную в

институте. Эти туземные идеи, как и формулировки того, какой считают социальную реальность ее участники, относятся к числу фактов, которые мы принимаем во внимание в своем анализе. Идеи акторов, как и их поведение, являются частью целостной реальности, в которой они живут, и подвержены ее влиянию. Эта реальность, как я говорил, есть нечто внешнее и принуждающее. Она упряма и не может быть изменена простым изменением совокупности идей. Она достаточно упряма, чтобы формировать неисповедимыми путями будущее. Актёры могут обладать какими-то идеями об этой упрямой реальности, в которой они живут, и в какие-то мгновения они могут быть точным восприятием существующего и происходящего или возникающего. Но актёры часто обманывают себя по поводу событий и мотивов, и их идеи могут быть рационализациями. Поэтому социальные и индивидуальные идеи не могут приниматься как точное восприятие реальности; кроме того, они почти всегда неполны [60]. Чтобы поместить эти идеи в некоторую перспективу, могут понадобиться сравнительные исследования специалистов. Один анализ за другим показывает, что зачастую актёры не вполне понимают, что они делают и почему они это делают. Сошлюсь лишь на антропологический анализ того, как особые категории людей в различных племенах наделяются качествами ведм, ответственных за несчастье (см. прим. 10), а также на анализ генеалогий как идеологий, а не родовых древ. Каждый сам сможет добавить сюда свои примеры.

Реальность, которую мы изучаем, является в той степени внешней и принудительной для нас, антропологов. Она упряма в том смысле, что мы не можем ее изменить, дабы сделать для себя удобной. Следовательно, наши технические модели «*как-если-бы*» — не только упорядочение в некотором множестве вербальных категорий. Их приходится конструировать логически, и это конструирование может быть плодотворным или нет (см. прим. 11). Но, кроме того, в них должно быть что-то большее. Мы постоянно соотносим эти модели с данными наших наблюдений, а они упрямы и принудительны и не могут быть изменены актом воли или просто изменением вербальной категории. Наблюдения, а также анализ наших коллег, работающих в очень разных социальных полях, тоже являются для нас внешними, ограничивающими и упрямыми. Ибо мы принимаем их во внимание при развитии собственного анализа. Мы не можем придумать институты и этим отделаться. Никто так и не проанализировал балони, племя банту, возникшее из чистого воображения Шапера. И восхитительная сатира Майнера о накирема [51] слишком близка к истине, чтобы быть совершенной фикцией. Все вы пытались анализировать полевые данные и знаете, как трудно бывает подготовленному внешнему наблюдателю, работающему в опоре на то, что сделали его предшественники и коллеги, выяснить реальные взаимосвязи в социальной системе, учитывая при построении модели все данные. Большинство из вас меняли свои модели в свете новых фактов о реальном мире, либо найденных вами самими, либо фигурирующих в критических замечаниях и работах ваших коллег.

VII

Я говорил о моделях *как-если-бы-равновесия*, стремясь показать их полезность для изучения социального изменения. Но какие-то институты, возможно, пребывали или все еще пребывают в действительном равновесии, сохраняя свою непрерывность в течение долгого времени. Повторю: это не вопрос априорного суждения, а

вопрос исторических документов, нынешней оценки или предсказания будущего. Либо институциональное изменение, теоретически, могло протекать с постоянным переприспособлением каждой части к изменениям в других частях в рамках подвижного действительного равновесия. С большей вероятностью это может происходить в частях, а не во всем социальном поле. Но чаще будет происходить устойчивое изменение значений внутри институтов и между ними, пока не произойдет внезапно-го и радикального изменения. Весь опыт на это указывает.

Я опишу, как я применял очерченные мной методы к радикальному изменению в истории Зулуленда (см. прим. 12). Из свидетельств моряков с потерпевших крушение судов и из устных преданий, собранных у зулусов, их ответвлений, расселившихся ныне на многие сотни и тысячи миль, а также в соседних племенах, можно заключить, что это политическое поле, по крайней мере, с 1400 г. до приблизительно 1800 г. может быть проанализировано как находящееся в действительном состоянии стабильного равновесия (стазисе). Оно состояло из множества разных по размеру племен, но численность в них не превышала некоторого максимума, и если племя становилось слишком большим, то от него откалывались секции — либо мирно, либо после распрей между соперниками за положение вождя. На протяжении четырех столетий племена раскалывались, появлялись новые племена, другие исчезали; были набеги, но не было завоеваний. Несмотря на массу беспокойств, в том числе войн и расколов, это было повторение во времени и удвоение в пространстве паттерна и структуры. Ни в институтах, ни в структурных длительностях не было никаких радикальных изменений. Это было стабильное равновесие на протяжении длительного периода времени.

Данные показывают, что человеческие популяции и — что, вероятно, важнее — поголовья скота перерастали предел критической плотности. Этот прирост постепенно накапливался, а затем внезапно приводил к изменению структуры. Вероятно, был недолгий период подвижного действительного равновесия, когда какие-то племена становились главенствующими, покоряя своих соседей. Структурные длительности, короткие по продолжительности, показывают испытание племенами различных средств завоевания и обороны, пока зулусы не установили посредством войн, решавших популяционные проблемы, гегемонию, длившуюся 60 лет и завершившуюся их поражением от британцев. В течение этого периода существовал паттерн гражданских войн, основанный на тех же самых факторах, которые определяли раннее равновесие небольших племен: относительно примитивных орудиях труда, простых потребительских благах, медленных коммуникациях, рассеянности населения, простом оружии, которым владел каждый воин в частной армии каждого вождя.

Результатом всего этого была автономия локальных секций, не связанных с центром ни утилитарной органической взаимозависимостью, ни гражданской войной вокруг королевского трона. Иначе говоря, здесь мы имеем в рамках модели равновесия теоретические положения, возникающие из связи между технологией, рассредоточенностью населения и системами господства, воспроизводящимися несмотря на некоторый прирост власти и расширение господства. Нельзя понять изменения ни в одном государстве, если мы не увидим это равновесие в борьбе за власть; и этот анализ можно продублировать, а содержащиеся в нем вариации соотнести с исследованием других государств в истории Африки, Европы и Азии. Изменение, ведущее от небольших племен к королевству, я бы назвал ограниченным структурным

изменением, а не радикальным структурным изменением, поскольку связи между частями все еще определялись схожими базовыми технологическими и иными факторами. Между тем вне аналитически выделенного королевства связи с белыми развивались медленно, пока паттерн внезапно не изменился и в Зулуленд не вошли британцы. После поражения между остатками прежнего королевства установилось временное равновесие с малыми длительностями; затем британцы ввели свое правление, и установилось новое временное равновесие, основанное почти всецело на силе. Покопавшись в архивных документах, можно выяснить, как из этого временного равновесия развилась сложная совокупность уз взаимозависимости между британцами и зулусами, в которой политические институты, в которых были задействованы всякого рода белые и зулусские чиновники и народ, имели собственные структурные длительности. Осуществив анализы нескольких периодов относительной стабильности и процессов изменения от одного к другому, я смог поработать и со структурными длительностями институтов, и с типами изменения.

Барнс [4] рассмотрел в схожих рамках историю группы нгони со времен, когда они были вытеснены из Наталя, и до их положения в Ньясаленде под британским правлением. В терминах равновесия, находимого в разные периоды, можно оценивать изменения, проявляющие как преемственность, так и инновацию. Без концепции равновесия у нас остается один нарратив. В период быстрого радикального изменения структуры, возможно, необходимо почти полностью ограничиться нарративом, насколько это возможно, и искать в нем разные виды обобщений и пропозиций [см.: 34].

Я считаю полезным применение схожего метода анализа, например, к истории английского королевства. В Средние века происходило постоянное изменение и развитие: некоторые магнаты накапливали больше земли и власти, специфическими фазами росли города, росла торговля и т.д. Но на протяжении нескольких столетий поддаются выделению институциональные связи между королем и магнатами, помогающие понять паттерн гражданских войн. Эти связи можно оценить, во-первых, в соотношении с постоянными материальными элементами, такими как типы вооружений, обеспеченность товарами и деньгами и способы коммуникации, а во-вторых — в соотношении с паттернами права, такими как правила обращения с изменой [33, chap. II].

Результатом является анализ политики, в которой есть много систематических регулярностей, схожих с теми, которые я описал в отношении среднего периода зулусской истории. И я бы вновь утверждал, что без той или иной модели равновесия мы не сможем придать смысл колебаниям или реальным изменениям ни в связях между королем и магнатами, ни в связях между ними и городской буржуазией, ремесленниками и крестьянами. Более того, без применения этой модели в исследовании того или иного институционального комплекса все становится опять-таки просто пересказом нарратива.

VIII

Я утверждаю, что вышеприведенный анализ использования моделей равновесия показывает, насколько этот метод был динамичен, нацелен на работу с разными типами нарушений и разными типами изменения. Более того, его сторонники были озабочены анализом социального процесса и очень глубоко сознавали проблему вре-

мени. Откуда тогда проявившаяся в последние годы среди молодых антропологов склонность отвергать теории, родившиеся как статические, а не динамические, как интересующиеся больше идеализированной структурой, чем процессом? В настоящее время эпитет «структурно-функциональное изучение» стал едва ли не бранным. В самом широком смысле, ответ мог бы звучать так: каждое новое поколение желает переплюнуть предшественников, и самый легкий способ подойти к делу — это осудить все скопом. В частности, я предполагаю, что, поскольку речь идет о племенных системах, предшествующее поколение осмыслило самые разные культурные формы, в которых проявляются эти системы. Исходя из своего опыта подготовки целого ряда исследователей, могу поручиться, что анализ институциональных систем был облегчен в том смысле, что каждый новый работник мог быстрее пронаблюдать и выяснить структуру своей системы ввиду предшествующих анализов. Это избавляло их от многих месяцев и даже лет работы, и они могли сосредоточиться на более детальном наблюдении взаимодействия между лицами, втянутыми в институциональные структуры. Поэтому, особенно по мере того как совершенствующиеся методы полевого исследования приносили все более и более сложные данные, они втягивались в изучение структуры паттернов взаимодействия.

Как и в других социальных науках, происходило развитие расширенных кейс-стади, ориентированных на работу с вариациями и отклонениями от институциональных норм. Это вело к возрастанию интереса к сложности каждого уникального периода и кусочка истории, к жизненным историям и жизням индивидов, к выборам, которыми располагают индивиды для манипуляций другими ради собственной выгоды [41; 1; 70].

Когда в структурном анализе эти сложности редуцируются, немалая часть уникальности и насыщенности данных исчезает. Поэтому антропологу приходится иметь дело с дилеммой: если он представляет все данные, то мы не можем увидеть в них структуру, а если он акцентирует структуру, то мы теряем значительную часть процесса действительной социальной жизни, о котором он собрал богатые данные. Дилемма усугубляется, когда мы хотим рассмотреть изменения разных видов, ведь чем больше мы описываем в деталях изменения всех видов, тем меньше мы способны проанализировать структуру того, что мы видим, а чем точнее и тщательнее мы очерчиваем структурные связи внутри данных, тем больше мы теряем из виду движение и изменение.

Думаю, эта дилемма всегда будет нас преследовать, пока наш предмет качается между полюсом структурного анализа и полюсом нарратива (хотя, как показал Мандельбаум [46], рассматривая другую работу, никто не может достигнуть голого нарратива как такового).

Здесь я говорил о структурном анализе паттернов взаимодействия, но это несколько не согласуется с современной практикой. В последней термин «структурно-функциональный анализ» обычно применяют к, как считается, статическим моделям равновесия и видят как относящийся к исследованиям, которые мы называем — выбирайте какое угодно имя — макроскопическими, морфологическими, анатомическими. Структурными компонентами видятся группы и другие крупные сущности. На мой взгляд, это еще более обостряет нашу дилемму и наши споры. Я требую избавиться от ложной реификации, прокрававшейся в понятие «структуры» и «социальной структуры». Какое бы поле мы ни изучали, мы исходим из того, что в нем

есть регулярности, так как в наблюдении оно не является совершенно хаотичным, и коль скоро мы полагаем, что эти регулярности есть, то должен быть какой-то вид системной взаимозависимости, который, в свою очередь, должен иметь структуру, как она определяется в словарях, то есть что-то вроде «упорядочения частей внутри организованного целого».

Следовательно, в крупном масштабе общество имеет структуру в своих институтах; каждый кусочек взаимодействия между лицами, как ярко показал Гоффман, имеет структуру; у каждой отдельной личности есть структура. Разговор имеет структуру; избирательная кампания имеет структуру; нация имеет структуру (хотя, конечно, не все события системно взаимосвязаны). Следовательно, все мы структуралисты, и все мы в какой-то степени функционалисты, поскольку пытаемся оценить значимость каждого элемента внутри той частной структуры, которую мы изучаем.

Поэтому я предупреждаю, что тот, кто обрушивается на другого как на структуралиста, поскольку тот взялся за научное исследование, порет сам себя. Проблема в том, что это отвлекает внимание от целого ряда проблем. Я говорил выше об институциональных структурах, потому что это область, в которой я работаю; я утверждал, что институты тяготеют к преемственности во времени через системную взаимосвязь позиций, ролей, материального аппарата, ценностей, верований и т.д. Мой анализ разрабатывался для этой области. Однако я признаю, что внутри кажущейся преемственности формы института (например, Палаты общин) может быть медленное накопление изменений: в типах персонала, через перемены в стиле, через воздействие индивидуальных выборов и т.д. Недостаток преемственности бросается в глаза во многих паттернах взаимодействия. Вместе с тем многочисленные исследования показывают, что в паттернах взаимодействия имеется высокая степень преемственности, и это делает акцент на структуре в равной мере существенным (см. прим. 13). Но независимо от того, являются ли паттерны взаимодействия преемственными или нестабильными и изменчивыми, важно пытаться понять, можем ли мы свести воедино эти внешне очень разные способы анализа. Я считаю это одним из вызовов, на которые нам предстоит ответить в грядущие годы, а потому против ложных споров между людьми, работающими с разными типами проблем, в которых один человек зачастую предполагает, что анализ другого неверен в принципе, поскольку это не тот вид анализа, которым интересуется он сам.

Я бы скорее привлек внимание к тому факту, что отделение институтов от взаимодействия — в значительной степени аналитическое различие. Ибо из действия и взаимодействия мы отчасти и выстраиваем нашу абстрактную структуру институтов; и, наоборот, в исследованиях взаимодействия нас интересуют инкапсуляции из институтов. Мы должны пытаться как-то свести эти разные типы анализа воедино.

Я твердо убежден в том, что антропология — наука и, следовательно, является прогрессивной и кумулятивной, а это значит, что мы, как я лично это вижу, проходим проверку на то, будет ли глупец позднейшего поколения превосходить гения предшествующего поколения. Разумеется, теории и методы прошлого должны быть преодолены; надеюсь, я достаточно часто выражал в печати [32 и др.; 14] свое добродетельное приятие новых типов проницательных исследований, сделанных молодыми антропологами. Но я попытался здесь доказать, что они сталкиваются с теми же проблемами, что и старшее поколение, поскольку эти проблемы заключены в самой природе нашей попытки делать обобщения при нахождении систем со струк-

турами в «потоке событий в пространстве-времени», как об этом говорит Уайтхед.

Я предположил также, что взаимосвязь наших разнообразных совокупностей структур создает новые области достойных внимания проблем; они, как я понимаю, очень сложны, ибо я отвергаю любую редуционистскую попытку выстраивать объяснение системы в одном множестве событий из объяснений системы в других множествах событий, будь то большего или меньшего масштаба (см. прим. 14). Я настаиваю, что мудрее разобраться в проблемах, методах и трудностях всех других работников, чем скопом отвергать их с интеллектуальными оскорблениями. Из попытки разобраться можно что-то вынести; отвержение ничему не учит. Если мы зовем других «олухами», то, возможно, мы очутились во «Сне в летнюю ночь» (действие третье, явление 1) и смотрим на мир через маску задиры Мотка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bailey F.G.* Caste and the Economic Frontier. Manchester, 1957.
2. *Barnes J.A.* Measures of Divorce Frequency in Simple Societies // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1949. Vol. 79. P. 37-62.
3. *Barnes J.A.* Marriage in a Changing Society // Rhodes-Livingston Paper. № 20. 1951.
4. *Barnes J.A.* Politics in a Changing Society: A Political History of the Fort Jameson Ngoni. L., 1954.
5. *Barnes J.A.* Measures of Divorce Frequency in Simple Societies [revised version of Barnes 1949] // *Epstein A.L.* (ed.) The Craft of Social Anthropology. L., 1967.
6. *Bohannan P.J.* Justice and Judgment among the Tiv. L., 1957.
7. *Brookfield M.C., Brown P.* Struggle for Land: Agriculture and Group Territories among the Chimbu of the New Guinea Highlands. Melbourne, 1963.
8. *Cohen P.S.* Models // British Journal of Sociology. 1966. Vol. 17. P. 70-78.
9. *Cunnison I.G.* History of Luapula // Rhodes-Livingston Paper № 21. 1951.
10. *Cunnison I.G.* Perpetual Kinship: A Political Institution of the Luapula Peoples // Rhodes-Livingston Journal. 1956. Vol. 20. P. 28-28.
11. *Cunnison I.G.* History and Genealogies in a Conquest State // American Anthropologist. 1957. Vol. 59. P. 20-31.
12. *Cunnison I.G.* The Luapula Peoples of Northern Rhodesia: Custom and history in Tribal Politics. Manchester, 1959.
13. *Devons E., Gluckman M.* Introduction and Conclusion // *Gluckman M.* (ed.) Closed Systems and Open Minds. Chicago, 1964.
14. *Eggan F., Gluckman M.* Introduction // Banton M. (ed.) New Approaches in Social Anthropology. L., 1965, 1966.
15. *Evans-Pritchard E.E.* Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande. Oxford, 1937.
16. *Evans-Pritchard E.E.* The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, 1940.
17. *Evans-Pritchard E.E.* The Sanusi of Cyrenaica. Oxford, 1949.
18. *Firth R.* We, the Tikopia. L., 1936.
19. *Firth R.* Social Change in Tikopia. L., 1959.
20. *Fortes M.* The Dynamics of Clanship among the Tallensi. L., 1945.
21. *Fortes M.* The Web of Kinship among the Tallensi. L., 1949.
22. *Fortes M.* Time and Social Structure // *Fortes M.* (ed.) Social Structure: Essays Presented to A.R. Radcliffe-Brown. L., 1949.
23. *Fortes M.* (ed.) Marriage in Tribal Societies // Cambridge Papers in Social Anthropology. № 3. 1962.
24. *Frankenberg R.J.* Village on the Border. L., 1958.
25. *Gluckman M.* The Kingdom of the Zulu of South Africa // *Fortes M., Evans-Pritchard E.E.* (eds.) African Political Systems. L., 1940.
26. *Gluckman M.* Analysis of a Social Situation in Modern Zululand // Bantu Studies. 1940. Vol. 14. P. 1-30, 147-174. (Переиздано как: Rhodes-Livingstone Paper № 28. 1958.)
27. *Gluckman M.* Some Processes of Social Change Illustrated from Zululand // African Studies. 1942. Vol. 1. P. 243-260. (Переиздано в: Rhodes-Livingstone Paper № 28. 1958.)
28. *Gluckman M.* Essays on Lozi Land and Royal Property // Rhodes-Livingstone Paper № 10. 1943.
29. *Gluckman M.* Kinship and Marriage among the Lozi of Northern Rhodesia and the Zulu of Natal // *Radcliffe-Brown A.R., Forde C.D.* (eds.) African Systems of Kinship and Marriage. L., 1950.

30. *Gluckman M.* Order and Rebellion in Tribal Africa. Glencoe, Ill.; L., 1963.
31. *Gluckman M. (ed.)* Closed Systems and Open Minds. Chicago; Edinburgh, 1964.
32. *Gluckman M.* Politics, Law and Ritual in Tribal Society. Chicago; Oxford, 1965.
33. *Gluckman M.* The Ideas in Barotse Jurisprudence. New Haven, 1965.
34. *Gluckman M.* Tribalism, Ruralism and Urbanism in Changing Africa // *Turner V.W. (ed.)* Profiles of Change: The Impact of Colonialism on African History. Cambridge, 1969.
35. *Gluckman M.* Social and Moral Crises: Magical and Secular Solutions. The Marett Lectures, 1964, 1965 / *Gluckman M. (ed.)* Allocation of Responsibility. Manchester, 1969.
36. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, Monograph № 2. 1956.
37. *Goffman E.* Encounters. Indianapolis, 1961.
38. *Goody E.* Conjugal Separation and Divorce among the Gonja of Northern Ghana // *Fortes M. (ed.)* Marriage in Tribal Societies / Cambridge Papers in Social Anthropology № 3. 1962.
39. *Goody J. (ed.)* The Developmental Cycle in Domestic Groups / Cambridge Papers in Social Anthropology № 2. 1958.
40. *Homans G.C.* The Human Group. N.Y., 1950.
41. *Leach E.R.* Political Systems of Highland Burma: A Study of Kachin Social Structure. L., 1954.
42. *Leach E.R.* Political Systems of Highland Burma: A Study of Kachin Social Structure [2nd ed., with a new "Introduction"]. L., 1964.
43. *Malinowski B.* Culture // Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1931. Vol. 5. P. 621-646.
44. *Malinowski B.* A Scientific Theory of Culture. Chapel Hill, 1944.
45. *Mandelbaum M.* Societal Facts // British Journal of Sociology. 1955. Vol. 6. № 4. P. 305-317.
46. *Mandelbaum M.* A Note on History as Normative // History and Theory. 1967. Vol. 6. № 3. P. 413-419.
47. *Marwick M.G.* Sorcery in Its Social Setting. Manchester: Manchester University Press, 1965.
48. *Meggitt M.J.* The Lineage System of the Mae Enga of the New Guinea Highlands. Edinburgh, 1965.
49. *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure [2nd ed. revised and enlarged]. Glencoe, Ill.: Free Press, 1957.
50. *Middleton J., Winter E. (eds.)* Witchcraft and Sorcery in East Africa. L., 1963.
51. *Miner H.* Body Ritual among the Nacirema // American Anthropologist. 1956. Vol. 56. P. 503-507.
52. *Mitchell J.C.* The Yao of Southern Nyasaland // *Colson E., Gluckman M. (eds.)* Seven Tribes of British Central Africa. L., 1951.
53. *Mitchell J.C.* An Outline of the Social Structure of Malemia Ward // The Nyasaland Journal. 1951. Vol. 5. P. 51-58.
54. *Mitchell J.C.* The Yao Village. Manchester, 1956.
55. *Mitchell J.C.* Marriage Stability and Social Structure in Bantu Africa // International Population Conference, New York, 1961. L., 1963. Vol. 2. P. 255-263.
56. *Mitchell J.C.* Theoretical Orientations in African Urban Studies // *Banton M. (ed.)* The Social Anthropology of Complex Societies / ASA Monographs, № 4. 1966. P. 37-68.
57. *Nadel S.F.* The Nuba. L., 1947.
58. *Nadel S.F.* Nupe Religion. L., 1954.
59. *Peters E.L.* The Proliferation of Segments in the Lineage of the Bedouin of Cyrenaica // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1960. Vol. 90. P. 29-53.
60. *Peters E.L.* Some Structural Aspects of the Feud among the Camel-Herding Bedouin of Cyrenaica // Africa. 1967. Vol. 35. № 2. P. 261-282.
61. *Pospisil L.* Kapauka Papuans and Their Law / Yale University Publications in Anthropology, № 54. 1958.
62. *Pospisil L.* Social Change and Primitive Law: Consequences of a Papuan Legal Case // American Anthropologist. 1958. Vol. 60. P. 832-837.
63. *Pospisil L.* Papuan Social Structure: Rejoinder to Leach // American Anthropologist. 1960. Vol. 62. P. 690-691.
64. *Reay M.* The Kuma. Melbourne, 1959.
65. *Richards A.I.* Mother-Right in Central Africa // *Evans-Pritchard E.E., Firth R., Malinowski B., Schapera I. (eds.)* Essays Presented to C.G. Seligman. L., 1933.
66. *Sahlins M.D.* The Segmentary Lineage: An Organization of Predatory Expansion // American Anthropologist. 1961. Vol. 63. P. 322-345.
67. *Salisbury R.F.* From Stone to Steel: Economic Consequences of a Technological Change in New Guinea. L., 1962.
68. *Smelser N.J.* Social Change in the Industrial Revolution. L., 1959.
69. *Turner V.W.* Schism and Continuity in an African Society. Manchester, 1957.

70. *Van Velsen J.* The Politics of Kinship: A Study in Social Manipulation among the Lakeside Tonga of Nyasaland. Manchester, 1964.

71. *Vogt E.Z.* On the Concept of Structure and Process in Cultural Anthropology // *American Anthropologist*. 1960. Vol. 62. P. 18-33.

72. *Watson W.* Tribal Cohesion in a Money Economy. Manchester, 1958.

73. *Wilson M.* Witch Beliefs and Social Structure // *American Journal of Sociology*. 1951. Vol. 56. P. 307-313.

Примечания

1. Я благодарен профессорам Дж.А. Барнсу и М. Фортесу, с которыми у меня были полезные предварительные обсуждения проблем, поднятых в этой статье, а также моим манчестерским коллегам (П. Бакстеру, К. Гарбетту, Б. Капфереру, Н. Лонгу, Дж.К. Митчеллу, Э.Л. Петерсу, М. Саутволду, Р. Вербнеру), которые прокомментировали на семинаре первоначальную рукопись и привнесли в нее много ценного. Полезную помощь оказали мне коллеги по Центру продвинутого изучения поведенческих наук в Стэнфорде, а Центр предоставил много возможностей для моей работы. Профессор Салли Ф. Мур помогла мне на этапе завершения статьи конструктивной критикой.

2. Схожий действенный аргумент см., среди прочих, у Смелзера [68].

3. Этот аргумент проработан в публикациях [31], [32] и [14].

4. Ср. с точкой зрения Малиновского на институты [43; 44].

5. См. о внешней среде у Хоманса [40, 81 и далее].

6. Обобщающее обсуждение этой общей проблемы содержится в моей публикации [33, 101 ff.]. Франкенберг [24] применил освещенный здесь общий тезис Эванс-Притчарда для прояснения роли «чужаков» и «посторонних» в общинной жизни уэльской деревни.

7. «Дендритический» значит растущий на манер дерева; при этом некоторые ветви продолжают расти. В случае больших деревень в этих процессах нет циклов развития, но в некоторых меньших по размеру деревнях такой цикл есть.

8. Обратим внимание на то, что, хотя книга Меггитта была опубликована в 1965 г., она ушла в печать до выхода в свет книги Брукфилда и Брауна; следовательно, он не мог учесть их критику в адрес формулировки этой гипотезы в одном из ранних его очерков.

9. Я применил это положение к развитию совершенно разных типов социальных отношений между белыми и черными и внутри групп белых и черных в своем «Анализе социальной ситуации в современном Зулусленде» (впервые опубликован в 1940 и 1942 гг., переиздан в 1958 г.).

10. Некоторые из этих открытий анализируются Эванс-Притчардом [15], Уилсоном [73], Нэделом [57; 58], Митчеллом [54], Боханнаном [6], Тернером [69], Марвиком [47], Мидлтоном и Уинтером [50], Глакменом [33; 34; 35].

11. Обсуждение этого момента и следующего далее аргумента см. у Смелзера [68] в главах II и III.

12. Основная часть моего анализа представлена в трех больших очерках. Черновик моей книги и выписки о зулусах из архивов сгорели в пожаре, уничтожившем мой лагерь в Баротселенде. С тех пор я был занят баротсе и книгами общего характера, но сейчас сдаю в печать полновесное исследование периода ранних племен и тогдашних связей с белыми, а также рождения и установления Зулусского королевства.

13. См. различные работы Гоффмана.

14. См. [13]; более ясное изложение см. у Мандельбаума [45].

Пер. с англ. В.Г. Николаева